
Елена ВЯХЯКУОПУС

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ

Рассказы

ВСЕ НУЖНО ДЕЛАТЬ ВОВРЕМЯ

Августа Львовна допила кофе из чашки тонкого ленинградского фарфора и аккуратно промокнула губы салфеткой. Чашка была чисто белая, без лишних цветочков и золотых ободков. И все в кабинете светилось белизной: стены, стол, шкафы с документами, халат и шапочка Августы Львовны, только стетоскоп и компьютер добавляли легкую серебристую ноту.

Августа Львовна взглянула на круглые белые часы на стене. Восемь ноль семь. В дверь постучали, вошла медсестра с белыми папками в руках.

- Вы опоздали на две минуты, Людмила.
- Простите, Августа Львовна, копии паспорта делала.
- Вовремя нужно все делать. Вовремя!

Августа Львовна просмотрела документы, сверяясь в компьютере с записями врача приемного отделения. Ночью поступило только два пациента. Кузьмина Б. Л. 1927 года рождения с отравлением, по главной версии — кремово-кондитерской продукцией, приобретенной неизвестно где и когда, остатки изъяты на анализ из прикроватной тумбочки. Живет одна, вдова, родственников нет. А также Шарф С. М. 1960 года рождения с почечной коликой. Живет один, холост, на вопрос о родственниках ответил: «Не надо их искать. В случае чего, сами соберутся» (возможен бред от болевого шока).

Августа Львовна расстегнула верхнюю пуговицу халата, налила в чашку минеральной воды из бутылки и залпом выпила. Неужели ему уже пятьдесят... Сема Шарф. Рыжий, лохматый, зеленоглазый. Вечно мятая рубашка, пахнет дешевыми сигаретами, и ногти от краски бурые. Наверняка и теперь красит свои синие закаты и зеленые восходы, которые никто не покупает... Двадцать лет назад он приходил в ее больницу каждый вторник и пятницу, ровно в час пятнадцать и уходил в час сорок пять. Вначале он опаздывал, но после того, как она пару раз отказалась открыть дверь, стал являться заранее и ждал на подоконнике в коридоре, рисуя что-то в блокноте огрызком карандаша. В час пятнадцать она возвращалась с обхода и, оглянувшись, впускала его в кабинет. Тридцать минут счастья на клеенчатой кушетке, старательно застеленной белой простыней...

— Туська, скажи уже своей мамаше, что я хочу день-деньской валяться с тобой в большой продавленной кровати и утопать не в пороке, а в честном браке!

Выйти замуж за нищего шалопаю — это самое глупое, что она могла сделать. Мама упала бы в обморок от одного вида его ботинок. Нет, она поступила правильно.

Елена Вяхякуопус окончила факультет психологии МГУ. Специалист по реабилитации инвалидов. Автор многих статей, рассказов и нескольких книг, включая роман «Из бездны с любовью».

Дмитрий уже тогда был доктором наук. Всегда чисто выбритый, в отглаженном костюме, пахнет французским одеколоном. Недавний развод прошел болезненно, но все же ей осталась его огромная квартира на Рубинштейна. И дочка, умная в отца и красивая в мать. С Дмитрием сохранились дружеские отношения, они даже играют в теннис на прежнем корте. Он финансирует Наташину учебу в Лондоне. А какие дети могли быть у них с нищим художником? Рыжие, смешливые и безалаберные. С фамилией Шарф...

Она закрыла глаза, и возникло склоненное над ней лицо... Может, хватит себе врать, а, Туська? Ведь ты давно и отлично знаешь, что потеряла. Поняла в первый же день после свадьбы. И запах любого французского одеколона с тех пор вызывает у тебя тошноту...

Что там написано? Холост? Она набрала номер телефона старшей медсестры:

— В какой палате Семен Маркович Шарф? Переведите его в одиночную, десятую.

Надела маску, взяла стетоскоп и вышла из кабинета.

Борода поседела, но волосы сохранили цвет старого золота. Родное лицо, только две морщинки на лбу ей не знакомы. Зеленые глаза смотрят, как всегда, насмешливо. Не узнает ее в шапочке и маске, да и фигура ее в белом халате стала в два раза круглее. Она молча и быстро прощупала его живот. Зачем изобрели стетоскопы... Прижаться лицом к бледной, покрытой рыжими завитками груди...

Когда она вернулась в кабинет, то уже знала, что сделает. Они оба свободны. Ему только пятьдесят, ей сорок пять. Все впереди, она еще успеет родить ему сына. Вечером, когда все уйдут, она придет в его палату и молча ляжет рядом с ним. Погладит волосы, прижмет к груди его рыжую голову, и они оба заплачут... Августа Львовна промокнула глаза белой салфеткой, выпила минералки из белой чашки и застучала по клавишам компьютера...

Вечером в отделении наступила тишина. Только дежурная медсестра сидела в конце коридора, отвернувшись, болтала по телефону. Августа Львовна сняла шапочку, причесалась и пошла к десятой палате. Открыла дверь. Горела синяя лампочка под потолком. Сема лежал на спине, закинув голову, негромко свистел носом, как охрипший соловей. Стула в палате не было, и она присела в кресло в углу. Жаль его будить, он пережил сильный болевой приступ. Какие красивые у него пальцы... неужели скоро она сможет их поцеловать...

В коридоре застучало, зацокало, как будто вели лошадь. Дверь распахнулась, и в комнату вбежала высокая девица с длинными светлыми волосами, в наброшенном на плечи халате, в майке и розовых модных джинсах. Августа Львовна всегда запрещала носить такие Наташе. Девица устремилась к кровати. Она шмякнула на пол сумку, молниеносно сбросила халат и майку, приплясывая на одной ноге, стянула джинсы и прыгнула под одеяло к Семену Марковичу. Он всхрипнул, сглотнул и сипло засмеялся:

— Ты откуда, шалава моя, любимая?

— Медсестре дала тыщу, пропустила. Вау, Сенчик без штанов! Повезло с односторонней палатой....

Августа Львовна наконец смогла встать на ноги. Она вышла в коридор, тихо приотворив за собой дверь. Люди под одеялом ее не заметили. Прошла к посту медсестры. Та болтала по телефону, морща низкий лоб. Несколько секунд Августа Львовна боролась с желанием разбить этот тупой лоб сильным и точным ударом теннисистки. Медсестра увидела ее, испуганно встала.

— Юлия, в угловой палате посторонние.

— Извините, Августа Львовна, я не знаю как... я сейчас же...

— Да, будьте добры, разберитесь.

— Бегу!

Августа Львовна взглянула на белые часы на стене и сухо сказала:
— Подождите двадцать семь минут.

ЖЕНСКАЯ ГОРДОСТЬ

Двоюродные сестры Нина и Галинка, и мне не чужие, а родные и любимые, не имели ничего, кроме красоты. Отцы их и матери на одном заводе работали. Образование девочки получили, по семь классов. Обе статные, гордые, своевольные. Косы до пояса, глаза синие. В мае сорок первого вышли замуж за красивых и сильных мужчин. Первая — за капитана — политрука, вторая — за редактора местной газеты. В июне их отцы и мужья ушли воевать. А сестры отрезали свои косы и пошли работать на военный завод. В марте сорок второго Нина родила сына Костика, а Галинка сразу двух — близнецов Ваську и Славку.

Отцы погибли, мужья вернулись живыми и героями. И началась мирная жизнь, полная счастья, хотя и не без трудностей. У Нины трудностей было меньше, потому что капитан на войне стал полковником и получил в Москве высокую должность и квартиру. Купили пианино для Костика, шифоньер и этажерку. На собственной кухне, чего у Нины никогда раньше не было, поставили новенькую плиту. Живи и радуйся.

Но грянул гром среди ясной мирной жизни. Как-то вечером готовит Нина ужин, сын уроки учит, муж на службе задерживается. Раздается звонок в дверь. Видит Нина — на пороге молодая девушка в драповом пальто с котиковым воротником, на руках у нее сверток — ребенок в одеяле. Девушка говорит:

— Дома, што ли, Петр-то Иваныч? Вот дочушку принесла ему показать. А то он чево-то уж месяц как глаз-то не кажет...

В это самое время поднимается по лестнице сам Петр Иванович. Статная красавица Нина бежит за сковородкой, вопит, ругается, выдирает волосы, у кого может достать. На другой день забирает сына и скрывается из Москвы в неизвестном для Петра Иваныча направлении. Еще два раза выходит замуж. Сын Костик живет то с ней, то с бабушкой, то с тетуськой. На вопросы об отце Нина отвечает:

— Этот негодяй тебе не отец!

Детей у Нины больше не было. А Петр Иванович прожил полгода с девушкой и ее дочкой. Потом женился на другой. И умер. Так и не увидел своего сына больше ни разу. И Костик никогда его больше не видел, и ту сводную сестренку тоже. Будучи студентом, Костик сам себе писал письма, как будто от отца, и показывал своей девушке. Чтобы она не считала его безотцовщиной...

Вторая история очень вначале похожая.

Военный корреспондент Сеня, Галинкин муж, вернулся с войны лейтенантом и сразу направлен был в разрушенную войной Белоруссию. Дали им полусожженный домишко на окраине Минска. Одна комнатенка, нары. Галинка и близнецы довольны — огород свой, печку лейтенант направил, жить можно.

Вот однажды вечером Галинка, завязав кудрявые свои волосы платочком, готовит ужин. Бывший военный корреспондент, хоть и лейтенант, много не зарабатывает в районной газете, так что, кроме нескольких картошин, варить нечего. Сидят они с сынишками на нарах, строгают из полена автомат.

В дверь чуть стукнули, входит женщина в клетчатом платке и ватнике, с мальчиком годика четыре на вид. Кланяется в пояс. Говорит:

— Прости, Сеня. Простите, хозяйюшка. С голоду мы с Ванечкой пухнем. Помогите, чем можете.

Сеня берет полено и занимает оборону в углу. Он хорошо знает женщин нашей семьи. Галинка и дети смотрят на мальчика. Худой мальчик, вылитый Сеня, жметя к матери. На нем рваное пальтишко и обмотки.

Галинка поворачивается к мужу и кричит:

— Ну ты, козел, чего спрятался за этажерку! Лезь в погреб за картошкой. Луковица там еще была...

После чего подходит к мальчику, опускается перед ним на колени и начинает расстегивать его пальтишко и разматывать обмоточки. А женщине говорит:

— Раздевайся, сестра.

Эта женщина с мальчиком жили у них два месяца, пока она не нашла работу и не получила комнату в общежитии. А Галинка и Сеня прожили вместе до самого конца. И братья дружили тоже всю жизнь. Все трое.

ДВЕ МАТЕРИ

Эту историю о своем родственнике Григории рассказала мне учительница из станицы, что недалеко от нашей.

Мать Григория, Аграфена, умерла при родах. Она была женщина красивая, но скромная и тихая. Жили они с мужем Федором, тоже красивым и высоким, хорошо, дом крепкий, в саду деревья грушевые и ореховые, гуси, козы. Трое взрослых детей давно переехали в город Майкоп, и Аграфена с мужем видели их и пятерых внуков только по праздникам.

Как-то теплым вечером варила Аграфена в летней кухне варенье из зеленых грецких орехов. Вдруг закружилась у нее голова, потемнело в глазах. Увидел Федор из окна, как опустилась жена на скамеечку. Выбежал, спрашивает:

— Что ты, Груня?

— Ничего, так, голова закружилась... — шепчет Груня, а лицо бледное, серое, как живот у гусыни...

Федор сразу завел мотоцикл, посадил Груню в коляску и повез ее в медпункт, в соседнюю большую станицу. Там фельдшерница осмотрела Груню и огорошила:

— Да ведь вы, тетя Аграфена, беременная! Недель десять точно...

Федор обрадовался, а Груня испугалась. Что люди скажут, что дети скажут. В таком возрасте, пятьдесят один годок стукнул — и на тебе. Но Федор сказал:

— Это нам подарочек на добрую старость. Чтобы не одним доживать.

Груня все же уговорила его никому не рассказывать. Дотянула до родов дома, в поликлинику не ходила. А жили они в дальней станице, высоко, на другой от нашей стороне горы. Красота там удивительная, со склона видна синяя река и долина вокруг нее. Вот только горная дорога зимой и ранней весной бывает трудная. И когда пришло время в марте Груне рожать, «скорая помощь» доехать не успела.

Остался вдовец один, новорожденный сын в больнице, тоже один. Оглядел Федор опустевший дом и решил жениться. Сказал приятелям:

— Поспрашивайте по станицам. Не нужна мне ни красавица, ни жена. Только мать моему Грине.

Обещали друзья поискать хорошую женщину. В тот же вечер, когда сидел Федор за столом, глядя на банку с самогоном и не видя ее, открылась дверь, и вошла девушка в черном кружевном платке, закинутом одним концом на плечо, как ходили казачки в старые времена. Не поздоровалась, голову опустила и встала у стены. Узнал Фе-

дор дочку пасечника, у которого мед покупали они с Груней. Никогда раньше он с ней не разговаривал, потому что она дичилась и убегала, когда они приходили, или забивалась в угол и смотрела оттуда, как испуганная коза.

— Чего тебе, Нюта?

— Дядя Федя... Батя сказал, ваш сынок... в больнице, в городе...

— Да, Нюточка...

— А когда вы его заберете?

— Когда найду ему мать вместо Груни, — сказал Федор, и в первый раз потекли из глаз слезы.

Подошла Нюта к нему и вдруг обхватила за голову, прижала к своей груди. Сама дрожит, трясется, чуть не падает.

— Возьмите меня к себе, дядя Федя... Я буду все делать для вашего мальчика. Я вас с детства люблю...

И осталась Нюта у вдовца, и полюбил он ее. Пасечник сначала сильно рассердился и чуть не драться лез, но потом смирился. Привезли Гриню домой. Федор за молоком на детскую кухню на мотоцикле ездит, Нюта по дому хлопочет, варит-печет, а главное, как голубка, вьется над Гринечкой. Мальчик перестал плакать, начал улыбаться и толстеть и к пяти годам стал крепким и бесстрашным карапузом.

Так они и жили спокойно, пока однажды не подошла к Гриньку на улице соседка, когда он играл с ребятами.

Подозвала его к себе и сказала:

— Нютка тебе не мать, чужая. Не рожала она тебя. Нет у тебя матери.

Побежал он домой и там навзрыд расплакался. Нюта долго не могла добиться, что случилось, пока он, захлебываясь от слез, не пролепетал:

— Тетя сказала, ты не моя мама.

Нюта подумала, подумала, взяла его за руку и повела на кладбище. Там, у могилы, она сказала:

— Не хотели мы тебе говорить, пока ты маленький, но, видно, час пришел. Посмотри, тут лежит Груня, твоя мама. Душа ее на небе смотрит на тебя сверху и днем и ночью. Она тебя любит, хоть и далеко. А теперь посмотри на меня. Я тоже твоя мама. И тоже люблю тебя больше всего на свете. У всех людей одна мама, а у тебя две. Завистники будут говорить тебе всякие глупости, но ты не верь. Есть у тебя две матери: одна тебя родила и молится за тебя на небе, вторая будет всегда защищать на земле. Пойдем домой.

Теперь Григорий уже взрослый, и у него трое своих детей. Нюту они называют бабушкой и говорят друзьям, что у них есть три бабушки — две на земле и одна на небе.

ПИПА

Финские мои друзья, Синикка и Теуво, взяли на воспитание девочку. Они верующие люди, простые, но обеспеченные, много кому помогают. Живут за городом, в большом доме. Синикка — медсестра, Теуво — хозяин автомастерской. Своих детей четверо. А эту девочку они взяли из больницы. Мать пьющая, отец неизвестен. Девочка была очень больна, врачи не советовали ее брать. Так сразу и сказали:

— Только расстройство нервов получите. Вряд ли выживет.

Девочка, мягко говоря, не отличалась красотой. Крошечная, глазки-бусинки, ручки и ножки как стебельки, рот до ушей, на голове много черных волос. Волосатый лягушонок.

Теуво молчал, а Синикка заявила:

— Необыкновенная девочка. Мы берем ее, и точка. И молчи.

— Так я и молчу, — сказал Теуво.

— Как ее зовут? — спросила Синикка.

— Филиппа, — сообщила медсестра. — Мать ее так назвала. А потом от нее сразу отказалась.

Привезли они Филиппу к себе. Старшие дети не больно обрадовались странному ребенку. Но Синикка на это никакого внимания не обратила. И стала девочка жить у них. Вскоре Синикка нашла ее мать. Та тоже не обрадовалась. И не пожелала видеть свою дочку. Бросила:

— Я выхожу замуж. Пожалуйста, больше сюда не звони.

Но Синикка все равно время от времени ей звонила, рассказывала про Филиппу, посылала ее фотографии и приглашала мать на кофе. Мать слушала, хмыкала и клала трубку. Один раз она все же приехала, угостилась кофе с брусничным пирогом и посмотрела, как дочка возится на полу с машинкой. Девочке было в то время уже полтора года, и она говорила одно слово: «Пипа». Она все еще была намного меньше детей своего возраста. Куклы ее не интересовали, мягкие игрушки тоже, а машинки нравились. Черноволосая, большеротая девочка катала машинку по полу и напевала то-неньким голоском: «Пипа, пипа!»

Мать доела пирог, встала и ушла, не дотронувшись до дочери.

Теуво начал звать девочку Пипой, а за ним и все домашние тоже. Годы шли, девочка росла, потихоньку начала не только петь, но и говорить. Она очень любила музыку. Теуво играл на губной гармошке, а девочка пела и танцевала. Теперь Пипа была похожа не на лягушонка, а на худенькую, но ловкую обезьянку: бегала, лазала, прыгала и хохотала, открывая до ушей свой большой рот и показывая белые острые зубки. Глазки ее сияли, золотой бант качался в жестких черных волосах.

Когда Пипе исполнилось семь лет, вдруг приехала ее мать и, не заходя в дом, отдала Синикке открытку. Открытка была из южного португальского города, что на самой границе с Испанией. Некий Филипп поздравлял мать девочки с Первым мая — Днем трудящихся. Дата на открытке — за полгода до рождения девочки. Был там и адрес.

Синикка вернулась в дом и, ни минуты не сомневаясь и не советуясь с Теуво, написала письмо на английском языке. Уважаемый Филипп, так и так, вот фотография вашей дочери, девочка веселая, играет на губной гармошке и танцует всякие танцы, может, вы ей тоже пришлете открытку, как ее матери когда-то... Добавила свой адрес и домашний телефон. Заклеила конверт и отнесла на почту.

Прошла неделя. Вечером в доме раздался звонок. Теуво снял трубку и с растерянным видом передал Синикке. Женщина в трубке плакала и кричала что-то на незнакомом языке. После долгого монолога-вопля женщина наконец позвала какого-то мальчика, и он заговорил на хорошем английском:

— Сеньора просит перевести вам, что она намылит шею, разобьет голову, сломает ноги и лишит наследства этого козла, осла и жеребца, который не сообщил ей семь лет, что у нее наконец есть первая внучка. Сеньора также просит передать, что она уже купила билеты себе, своему мужу, сестре, а также и козлу и они послезавтра прилетают. Прямым самолетом из Мадрида. В шесть сорок утра.

И они в самом деле прилетели. Все четверо маленького роста, большеротые, с густыми черными волосами. Они прыгали вокруг девочки, хохотали, сверкая белыми зубами, тискали ее, Синикку, Теуво и всех остальных детей.

— Пипа, — кричала португальская бабушка, — минья линда принцеца!

Нет, с мамашей девочки встретиться они не захотели. И она тоже не выразила никакого желания. А Пипа стала жить на две страны, полгода там, полгода там. Сейчас она взрослая, невероятно красивая, тоненькая и стройная, похожая на восточную принцессу. В этом году она окончила факультет психологии Лиссабонского университета. И мы теперь коллеги.

САД

В нашем санатории — реабилитационном центре для пожилых и инвалидов — два здания, новое и старое. Между ними несколько коротких переходов. На втором этаже переход застеклен, мало кто им пользуется, и там всегда тихо. Посередине большой сосновый стол и высокое старинное кресло.

В один сумрачный зимний день на стол в стеклянном переходе положили коробку с мозаикой из тысячи кусочков картона. На крышке рисунок — цветущий сад, полный диковинных южных растений, а над ними яркое солнце и белые облака. Главный врач сказал:

— Пусть реабилитанты собирают пазл в свободное время. Полезно для мелкой моторики и настроения.

В тот же вечер я увидела за столиком реабилитанта. Это был старичок, прибывший к нам прямо из больницы. Звали его Карл. После инсульта у него двигались только левая рука и левая нога, и было ясно, что домой, в свою избу посреди леса, он уже никогда не вернется. Маленький, белый и сухой, как былинка, он тихо сидел в кресле-коляске и мог произнести только несколько слов. Вместо «да» говорил «ишь ты!», вместо «нет» — «ну и ну!». Курс лечения в санатории обычно две недели, но Карлу обещали, что он сможет жить у нас и подольше, пока социальные работники не найдут для него подходящий интернат или дом престарелых.

Перед старичком лежала гора разноцветных плоских фигурок. Он внимательно их рассматривал. Я спросила:

- Нравится тебе картина?
- Ишь ты! — прошелестел Карл.

Две недели, каждый вечер, Карл сидел в переходе и перебирал левой рукой дольки сада. Мне хотелось сказать ему что-то приятное.

— Карл, тебе нашли дом престарелых. Скоро ты туда переедешь. Говорят, там хорошо готовят черничный кисель!

- Ну и ну! — усомнился Карл.

Через три дня он переехал, только в другой дом, о котором живым ничего не известно... На столике в переходе осталось начало картины: в верхнем левом углу кусочек голубого неба, осколок луны и белое облако...

С тех пор прошло полгода. Каждый день я вижу за столом в стеклянном переходе кого-нибудь из реабилитантов. Иногда одного, иногда сразу двух или трех. Старушки и старички сосредоточенно рассматривают рассыпанные кусочки цветов и деревьев. Трясущимися пальцами осторожно двигают фигурки по столу. Каждые две недели, в пятницу, скрюченные фигурки исчезают навсегда, на их месте в понедельник появляются другие. Осенью по стеклам перехода катились капли дождя, сейчас зима, и окна покрыты инеем. А сад растет, уже занимает половину стола, он все ярче и теплее. Распускаются розы и лилии, клонятся ветки с гранатами и хурмой, и светят над ними солнце, и звезды, и луна...

«МОЛОЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ»

Писатель Анисимов, лауреат сорока литературных премий, почетный академик пяти академий, известный своей честностью, неподкупностью и гуманизмом, подтянул кальсоны, налил в кружку свежего чая, добавил вскипевшего молока, бросил три кусочка сахара и, захватив серебряную ложечку с длинной крученой ручкой, вернулся в кабинет. Уселся в кожаное кресло на колесиках перед дубовым письменным столом и включил компьютер. С удовольствием взглянул на огромный экран. Монитор был приобретен недавно и показывал все ярко и отчетливо. Природа и люди выглядели на нем красивее, чем в реале.

Зазвенел скайп. Анисимов с неудовольствием вспомнил, что забыл его к ночи отключить. На экране мигала надпись «Молочные ведомости».

Об издании таком Анисимов не слышал, но знал, чего они хотят. Конечно, об интервью попросят. Наверное, сельская газетенка. Звонят каждый день отовсюду. Всех интересует мнение знаменитого писателя обо всем, а чаще всего о том, как писать романы, бывает ли в наше время настоящая любовь и когда наступит конец света. Достали, но реклама повышает продажи книг.

Он щелкнул мышкой. Экран вспыхнул глубоким синим светом. На черном фоне — человек с седой бородой, седыми кудрями, длинным носом и печальными ярко-синими глазами.

— Дмитрий Петрович, мы хотим задать вам три вопроса.

— Давайте, только быстро, — утомленно буркнул Анисимов. Он взял в руку кружку с чаем, немного откатился от стола и вытянул вперед ноги в меховых тапочках.

— Вопрос первый. Верующий ли вы человек?

Эх, зря ответил. Православные...

— Уважаемый, вы бы почитали внимательнее мои книги. Я верю в эволюцию и силу человеческого разума и не раз об этом писал!

— Да, мы читали. Просто хотели уточнить, может, ваши взгляды поменялись. Время такое...

— Мои взгляды никогда не меняются. Еще вопросы есть?

Старик вздохнул и сделал неясный жест. Раздался легкий звон, как будто на тарелку бросили камешек.

— Второй вопрос. Каетесь ли вы в гибели Федькина Степана Петровича?

Анисимов рассердился и протянул руку к мышке. Но пахло нагретой солнцем дождевой водой в старой бочке... В худой веснушчатой руке мокрый огурец с желтым боком: «Держи, друг, закусим перед рыбалкой...»

— Что значит гибели?.. Степка?..

— Да, ваш одноклассник, погиб от алкогольного отравления месяц назад.

— Эх, Степка... Подождите, а я тут при чем? Я его давно не видел!

— Он вам звонил много раз, и на телефон, и на скайп, но вы ни разу не взяли трубку.

— Так, — сухо сказал Анисимов. — До свидания.

Снова звякнул брошенный в чашку камешек.

— Последний вопрос. Согласны ли вы спасти мир?

Анисимов вдруг понял. Это один из Степкиных собутыльников. Нашел контакты, звонит всем по очереди и задает безумные вопросы. Тоже небось нищий и одинокий.

— От чего же надо спасать мир?

— От конца. Можно его закончить прямо сейчас, а можно дать еще время.

— Спасибо, что вы придаете моей персоне столько значения. Обратитесь в ООН, думаю, они вам скорее помогут.

— Нет, Дмитрий Петрович, вы избраны как самый честный среди современников. Покайтесь в грешных делах и мыслях, помолитесь за мир. И весы качнутся в другую сторону.

Кружка с чаем упала на ковер. Анисимов не на шутку рассердился и крикнул:

— Никогда! И больше не звоните!

Звякнул третий камешек, и синева исчезла. В черном экране на миг отразилась всклокоченная голова Анисимова, но тут же появилась привычная заставка — луна над морем.

Анисимов, чертыхаясь, поплелся за тряпкой. Протерев ковер, он сел и, помедлив, открыл скайп. Нашел Степкину страницу. Длинный список неотвеченных звонков... Да, не хотел отвечать, потому что пришлось бы врать и делать вид, будто ему интересно слушать Степкину тягомотину...

Муторно что-то, голова кружится. Анисимов подошел к окну, раздвинул шторы цвета летнего сада — зелено-розовые. Еще ранний вечер, но уже стемнело. Он открыл створку. Тишина, улица пуста. Поднял глаза и, прищурившись, взглянул в черное небо. На нем сияли яркие звезды Млечного Пути.

Сильный порыв ветра, как вздох, пролетел над городом. Вслед за ним громко, печально и отрывисто запела труба.

И звезды, одна за другой, начали гаснуть...